

Пароход медленно подходит к полоске отлогого берега, спускает привилегированную «публику» непосредственно в город, а сам с переселенцами и вообще «народом» отходит к переселенческим баракам, где «народу» предстоит ещё медицинский осмотр.

Прощай пока, Амур...

*По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903.
Санкт-Петербург: Издание Товарищества
«Общественная польза», 1905.*

Александр Мельников

Как появились хохлы на Амуре

Украинка, Н-В. Полтавка, Черниговка, Хохлатское, Червоноармейский, Червона горка, Новокиевский Увал – вот далеко не полный перечень географических названий населенных пунктов и совхозов (колхозов), расположенных не в Украине, а за тысячи километров от нее – на Дальнем Востоке, но носящих украинские названия. Более того, местным жителям этого края не секрет, что только в Амурской области, в Завитинском, Ромненском, Ивановском районах, есть населенные пункты, жители которых говорят на украинском языке (мови). При этом многие из них никогда не бывали в Украине. Так кто они? Откуда? Как появились здесь?

ЗЕЛЕНЫЙ КЛИН – это нашумевшая в 20-30-х годах большая территория Дальнего Востока, где компактно проживает украинская диаспора. По определению авторитетного исследователя Дальнего Востока Ивана Свита, Зеленый Клин занимает в соответствии с нынешним административным делением Приморский и Хабаровский края, Камчатскую, Сахалинскую и Амурскую области.

История заселения Зеленого Клина положена высылкой в 1672 году в Нижне-Селенгинск вместе с семьей и друзьями гетмана Левобережной Украины Демьяна Ивановича Многогришного, коварно арестованного промосковски настроенным казацким старшиной. Его судьбу повторило еще множество украинцев. Однако то было принудительное переселение, точнее политическая ссылка.

Массовое освоение Зеленого Клина украинцами начинается во второй половине XIX столетия. С 1861 г. по 1863 г. оно шло через Сибирь, с 1863 по 1900 год – с Одессы до Владивостока морем, а с 1900 г. через Сибирь железной дорогой до Хабаровска. Наидавнишим пунктом дальневосточной колонизации украинцев есть теперешний город Никольск-Уссурийск. Особенно поток переселенцев возрастает в начале XX столетия. Скажем, в 1860 г. в Амурскую область прибыло всего 919 человек с Левобережной Украины, в Приморский край – 1968 человек с Черниговской области и 594 – с Киевской. На следующий год с левобережья – 1280 человек. Значительно больше появилось тогда украинцев в Приморье: с левобережных губерний – 23567, правобережных – 18720.

В следующие года наши земляки закладывают такие населенные пункты, как Дунай, Знаменка, Самарка, Демьяновка, Смилэ (Смелое), Знаменское, Лебединское, Ново-Ямпольское, Ракитко, Острополь, Верхне-Спасское. Веселый Кут, Кумянец-Подольское, Гоголивское, Чернобеевское и много других.

В 1906-1917 гг. в Амурскую область с Украины прибыло 64169 человек, что составляет 49,75 % от числа всех переселенцев. Еще больше приехало наших земляков в этот период в Приморье – 102614 человек, что составило 61,24% от общего количества переселенцев. По выводу В. Кобузана, который сделал специальное историко-демографическое исследование, Дальний Восток в основном осваивается украинскими крестьянами. Они же взяли активное участие в революционных событиях 1917 г. Объединившись в различные организации, стремились развития национальной культуры на Дальнем Востоке, они всячески поддерживали свою далекую нэньку-Украину в ее борьбе за государственную независимость. Тогда во Владивостоке выходило четыре украинских газеты: «Шире слово» (в российском чтении «Шырэ слово»), «Украинец на Зеленом Клину», «Громадська думка», «Українська думка»; в Приморье работали украинские школы.

Вот как описывает этот период участник этих событий Василь Кийович в предисловии к книге Ивана Свита «Украинский Дальний Восток»: «Вопрос украинской школы был решен на Первом Учительском съезде в апреле 1917 г., т.е. тогда, когда украинская организация была еще в пеленках и не успела собрать еще силы, которые руководили бы работой относительно к требованиям времени и реальных возможностей.

Не менее загадочная и малоизученная страничка участия украинцев в революционном перевороте. Кроме вопроса о ведении обучения на украинском языке в школах, где большинство учеников украинцев, они настаивают перед властью об образовании украинских воинских частей в рядах армии адмирала Колчака. Вопрос был решен.

Надо отметить, что как и во всем обществе, украинцы Дальнего Востока тоже разделились на две части: одни ушли к красным партизанам, а другие вместе с частями Колчака выступили против новой власти и вместе с ним дошли до Волги, но затем, узнав об антиукраинских погромах Деникина на юге тогдашней российской империи, поняли, что с такими правителями им не по пути, поскольку те ничего не сделают для их родного народа. В этот период активизируются их попытки создания государственности на Дальнем Востоке.

Естественно, такое стремление украинцев Зеленого Клина, поддержка ими далекой материнской отчизны в их борьбе за независимость никак не могли понравиться идеологам всемирной коммуны.

И поэтому до провозглашения Советской власти на территории Дальневосточной республики 5 ноября 1922 г. во Владивостоке арестовывают голову Украинского Дальневосточного Секретариата Юрия Глушка-Мову. А после установления власти большевиков – 14 ноября – начинаются массовые аресты. Во Владивостоке, по свидетельству И. Свита, схвачены Горовой, Аедилька-Барковский, Стрельбицкий, Геруцкий, Корсун, Киселев, Дубовик, Нечипоренок, Смутьский. В Чите – Козак, Кузурман, Яценюк, Левченко, Тишкевич, Катнинский – всего 120 человек. Их длительное время держали под следствием в Чите (туда именно перевели всех, там и состоялся с 5 по 13 января судебный процесс).

Все обвинения, выдвинутые против украинцев, сводились к одному: стремлению к отсоединению Дальнего Востока от РСФСР, ориентации на соседние капиталистические государства, сотрудничеству с Украинской Центральной Радой, стремлению к образованию самостоятельной Украины. Все эти «грехи» в соответствии с уголовным кодексом РСФСР попадали под смертный приговор.

Суд проходил три дня без защитника и без прокурора. Обвинения (более чем на 40 печатных страницах) было составлено с полным незнанием украинской истории, истории переселения, фактов и путей, которыми проходила организация украинцев по революции, и в ходе самого суда была показана полная его несостоятельность, абсурдность.

Из всех арестованных украинцев Зеленого Клина через судебный процесс прошло 24. Они сделали такое заявление в суде: «Выездная сессия Верховного суда РСФСР не имеет права их судить, ибо тогда Советской власти на Дальнем Востоке не было, а были правительства – Сибирское, Всероссийское адмирала Колчака, атамана Семенова и братьев Меркуловых. Значит, если украинская деятельность и вредила власти, то и в таком случае она вредила не Советской власти, а кому-то другому. Поэтому украинцы не считают себя виновными.

Участник этих событий Василий Кийович вспоминал, как председатель суда Матвеев задал Юрию Мове вопрос: «Сидели ли в тюрьме и были ли под судом?» В ответ последовало: «Сидел при Колчаке и был осужден к смертной казни за то, что боролся за организацию украинского куреня, чтобы не допустить до русификации украинцев и использования их в братоубийственной борьбе». На вопрос: «Хотели ли вы оторвать Дальний Восток от России и соединить с Японией (?!)?» Юрий Косьмич ответил: «Никогда вопроса такого не стояло, мы воспользовались гаслом самоопределения и не успели провести начальной стадии организации, а нас уже разогнали и посадили в тюрьму. О всех проступках против государства мы узнали из акта обвинения, который считаем актом инсинуации и полной неосведомленности относительно украинских дел.

Уже упомянутое Заявление о правомочности суда и ход самого суда поставило суд под председательство Матвеева в сложное положение, однако из Москвы последовал указ: покарать. И суд судом, а ГПУ сделало свое. Выход нашли: украинцев уговорили признать себя виновными, а пролетарский суд над ними милостливо сжалился. Так оно и случилось. Лишь 14 арестованных было осуждено к различным срокам. 13 января 1924 г. в 12 часов ночи суд вынес приговор, по которому Юрия Косьмича Глушка-Мову – председателя Секретариата Дальневосточного Краевого Совета, Петра Ивановича Горового – представителя краевого кооператива «Чумак» и Василия Козака – деятеля Читинского Совета приговорили к заключению. Горовому сначала был даже вынесен смертный приговор, но его сразу же заменили на 10 лет тюрьмы; Мове и Козаку – по три года, однако не за деятельность украинских организаций, а за то, что получили от атамана Семенова какие-то деньги, что должно было служить показателем сотрудничества с белыми. Это дело безусловно есть одно из нечистых темных пятен в истории украинского движения на Дальнем Востоке (1919 г. – Читинская организация, 1921 – Горовой). В предисловии к материалу Ивана Свита «Украинський Далекий Схід» участник событий тех времен В. Кийович пишет: «Бросая обвинения в сепаратизме и связях с чужими государствами, ОГПУ предвидело летальное развитие последствий организаторской работы, проделанной на Дальнем Востоке среди украинцев. Совсем не исключено было бы, что украинская школа, которая во времена ДВР начала развиваться, учительские семинарии и другие школы вместе с систематичной агитационной и образовательной работой, вместе с закоренелым кооператорским движением среди украинского крестьянства и рабочих, а главное, на фоне явно выраженного национального самосознания украинских

масс, Дальний Восток, и в отдельности Зеленый Клин, мог вырасти на протяжении 10-15 лет в своего рода украинский форпост.

«Однако история советской деятельности 1923-1943 годов с нескончаемыми волнениями во внутренней партийной и государственной политике уничтожила полностью достижения работы 1917-1922 годов. Украинское крестьянство, как состоятельное, попало под нож коллективизации, и если и остались недобитки, то они не будут в большинстве, как это было до 1922 года. Украинские деятели, которые хорошо или плохо вели организацию, в большей части ликвидированы или убежали с Дальнего Востока в глубь России...» (Эти строки уже им писаны в Варшаве).

Длительное пребывание за пределами Украины, исключительно русские школы с 1917 года, другие ассимиляционные процессы, а также Читинский процесс 1924 года над украинцами, конечно, оказали определенное впечатление на население Зеленого Клина, когда через два года состоялась Всесоюзная перепись – тогда в соответствии с инструкцией переписчика должны были особенно тщательно уточнить принадлежность к великорусской, украинской или белорусской национальности. В это же время данные переписи свидетельствуют, что значительная часть украинцев Дальнего Востока твердо заявила – кто они и откуда.

Необходимо отметить, что данные Всесоюзной переписи относительно 315 тысяч украинцев на Зеленом Клине были поставлены под сомнение В. Кийовичем. Он, опираясь на результаты переписи украинского населения на Зеленом Клине, осуществленной в 1918 году дальневосточными украинскими организациями (437 тысяч человек), учитывая все ненормальности того времени, утверждал, что численность украинцев не должна уменьшиться до 315 тысяч, т.е. на 28%, а должна увеличиться на 30%, т.е. до 568 тысяч.

Такой вывод сделан на основании специальных исследований, проведенных в Черниговском, Спасском, Шмаковском и других районах, которые показали, что процент украинского населения в Приморье нужно удвоить, а в Приамурье – поднять до 50-60. Кстати, поправляла официальные документы переписи и книга «Дальневосточный край» (1932), в которой на 30-й странице отмечалось: украинцев в Ханкайском районе – 54% (перепись дает 50,9) Завитинском – 50% (48,4), Михайловском на Амуре – 56 (17,4).

В этой же книге пишется и такое: «Переселяясь с южных степных областей, украинцы приносили сюда свой культурно-бытовой уклад, язык и культуру, которые, несмотря на жесткую русификацию, которую проводило царское правительство, сохранились в своей основе, и безусловно, это дает большую возможность для проведения полной украинизации всех районов и преобразования края в действительно украинскую землю не только на формальных основаниях, но и фактически.

И в дальнейшем украинскими переселенцами пополняется диаспора Зеленого Клина. По данным Л. Рыбаковского, в 1927-28 гг. из общего количества семейных переселенцев на Дальний Восток 36,7 тысячи на Украину приходилось 1,2 тыс., Центральную Россию – 8,6 тыс., Белоруссию – 5,1 тыс., Казахстан и Среднюю Азию – 4,9 тыс., Сибирь – 6,9 тысячи человек.

В 30-х годах поток украинской людности на Зеленый Клин пошел другим путем, как правило, арестантскими вагонами. «Раскуркуленные» также составляли значительную часть новоприбывших. В условиях репрессий украинцы вынуждены были искать приюта в Хар-

бине (Маньчжурия), где национальная часть не приостанавливалась до самой второй мировой войны.

А затем были уже добровольные переселения после войны. Они прибавили украинского населения не только в Приморье, но и в других регионах Зеленого Клина. Скажем, на Сахалине теперь проживает около 50 тысяч наших земляков. Значительно больше их в нашей, Амурской, области. Увеличилось их количество на Камчатке. Зеленый Клин врезался в глубокие снега Арктики, где рядом с Сергеем Павловичем Королевым на Чукотке отбывали тюремные сроки тысячи и тысячи украинцев. Многие из них играли и играют значительную роль в жизни этих суровых краев. Например, первым учителем чукчей был уроженец Зеленого Клина Петр Яковлевич Скорик, родители которого переселились из Черкащины. Этот ученый-украинец первым написал грамматику чукотского языка.

Публикуемые материалы не преследуют каких-либо других целей, кроме знакомства с еще одной страничкой истории Дальнего Востока, той страничкой, которая еще очень слабо изучена и еще слабее отображена в художественной и научной литературе: она чаще просто обходилась, замалчивалась в силу известных причин.

*«Амурский комсомолец» 10.10. 1992 г.
(статья в авторской орфографии)*

Екатерина Бородина

«Украинский венок невесте смастерила соседка»

Когда я листаю старенький бабушкин фотоальбом, всегда останавливаюсь на ее свадебной фотографии. В следующем году этому снимку исполнится 55 лет. К сожалению, дедушки с нами нет уже десять лет, но они с бабушкой для меня – просто идеал семейных отношений. Хотя, как рассказывает бабушка, замуж она выходила без большой любви. Они с бабушкой вместе работали на лесопитомнике, там и познакомились. И ей, 19-летней и самой старшей из восьми детей, не довелось засидеться в невестах. Выйти замуж уговорила мама: «Соглашайся, Борис старше (ему было 26), будет заботиться. А что тебя ждет со мной – стирка да готовка?» У прабабушки жизнь была тяжелой – дети-погодки.

И бабушка согласилась. Но в запланированный день регистрация не состоялась: молодые по дороге в загс разругались и разошлись каждый по своим домам. Через пару дней к невесте снова пришли сваты. Как же так, договорились же породниться семьями? В общем, назначили новую дату. 25 октября дедушка уже взял в подмогу старшего брата с женой. Сейчас бабушка уже с улыбкой вспоминает, как шли они с двух сторон от нее, чтобы не сбегала.

Правда, в дом мужа она въехала позже – 4 ноября сыграли свадьбу. Украинский венок невесте смастерила соседка, цветы вылепила из воска. Из приданого была только пуховая подушка. После регистрации всю неделю до свадьбы дед гостевал у молодой жены. Бабушка стелила ему на своей кровати, а сама перебиралась на пол. Одна любопытная соседка, говорит, не верила, что молодые спят порознь, все пыталась ее маму. А однажды не выдержала, пришла рано-рано с проверкой и убедилась: «Точно не брешут!»